

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ В ВЫСОКОРЕСУРСНЫХ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЬЯХ¹

З. Е. Дорофеева^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д.20

²Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: *Дорофеева З. Е.* Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 73–87. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434

Аннотация. Трансформация семейных ролей, отмечаемая исследователями, наиболее ярко проявилась среди молодых, образованных и более обеспеченных слоёв населения, среди которых многодетные семьи, как правило, остаются незамеченными. При этом образованные многодетные семьи со средним и выше уровнем дохода (высокоресурсные многодетные семьи) представляют особый исследовательский интерес, имея отличительные особенности от многодетных семей с соответствующими показателями в силу объёма внутрисемейной нагрузки.

На основе анализа проведённых автором глубинных интервью показано сосуществование патриархальных и эгалитарных практик распределения семейных ролей в высокоресурсных многодетных семьях. Если роль, связанная с материальным обеспечением семьи, может быть рассмотрена в патриархальном ключе, то в приватной сфере наблюдается преобладание эгалитарных ценностей – мужчины активно включаются в сферу домашнего хозяйства и дел, связанных с детьми. Уровень нагрузки и объём необходимых ресурсов требуют максимально эффективного использования внутрисемейных ресурсов (в том числе привлечения старших детей к участию в делах семьи), а также привлечения внешних помощников, в частности активного использования социального капитала, в качестве которого могут выступать ближайшие родственники (чаще бабушки) или знакомые. При этом ключевая роль «менеджера семьи», контролирующего приватную сферу семьи, принадлежит женщине, которая также служит основным источником эмоциональных инвестиций в семью. В работе отмечается не только сверхзанятость отцов на рынке труда и матерей в приватной сфере, частично сопровождаемая и занятостью в экономике, но и высокий уровень включённости детей в образовательный процесс. Делается вывод о том, что именно вклад каждого члена семьи, включая старших детей, делает эти семьи высокоресурсными.

Ключевые слова: высокоресурсные семьи; многодетные семьи; семейные роли; распределение ролей; эмоциональный капитал; социальный капитал

¹ В статье использованы результаты проекта «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Происходящие перемены в социально-политической, экономической, информационной и даже технической сферах общества отражаются на институте семьи, её функциях, влияют на распределение ролей. Претерпеваемые современной семьёй изменения некоторые исследователи связывают с её кризисом [1], при котором семья утрачивает свои основные функции, однако большинство всё же говорят о трансформации, в том числе о трансформации структуры семьи, семейных ролей и отношений.

Рассматривая распределение ролей в семье как отражение преобладающих в обществе социальных норм, стоит учитывать исторический контекст их формирования. Модель, в которой женщина брала на себя практически всю внутрисемейную нагрузку, в советскую эпоху трансформировалась в связи с массовым выходом женщин на рынок труда, часть забот по уходу за детьми взяло на себя государство, однако женская нагрузка внутри семьи осталась весьма высокой. С начала 1990-х гг. «намечился переход от преимущественно государственного воспитания к семейному» [2, с. 6]. Мужчины постепенно включаются в сферу домашних дел, связанных с детьми и бытом, — отмечается рост занятости мужчин в домашнем хозяйстве [6], отражающегося на индексе гендерного равенства [9]. Исследования продолжают фиксировать заметную гендерную асимметрию в сфере распределения домашних обязанностей [7], однако в последние годы набирают силу тенденции преобладания эгалитарных представлений о гендерном распределении ролей и «выравниванию в реальной практике вклада супругов в ресурсное обеспечение семьи» [5, с. 29], особенно среди молодёжи. «Если раньше преимущественно женщины должны были балансировать между семьёй и работой, то теперь это не в меньшей мере стало касаться мужчин» [10, с. 28–29].

Зарубежные исследования последних лет также фиксируют смену гендерных стереотипов, в том числе в отношении домашнего труда [13], рост включённости мужчин в домашние дела, снижение количества часов, которые тратят на эту активность женщины [14], и усиление эгалитарных взглядов среди представителей поколения X и миллениалов [11]. При этом в качестве одного из компонентов процесса реализации семейных ролей выделяется эмоциональная составляющая, а именно — «эмоциональный капитал». В нашей стране понятие «эмоционального капитала», пожалуй, наиболее характерно для менеджмента и бизнеса, в то время как ряд западных научных работ показывают его важность в процессе образования [12] и родительства, отмечая при этом, что модель заботы о детях, включающая эмоциональную доступность родителя, в большей степени характерна именно для матерей [17]. Эмоциональный капитал может быть рассмотрен в качестве ресурса, позволяющего регулировать эмоциональную составляющую внутрисемейной жизни. В данной работе также делается попытка включения данного понятия в анализ. Кроме того, рассматривается влияние социального капитала на распределение ролей внутри семьи.

Эмпирическая база

В данной работе представлен анализ распределения ролей в высокоресурсных многодетных семьях на основе проведённого автором качественного исследования. Эмпирической базой данного исследования послужила серия 30 глубинных интервью с многодетными родителями Москвы и Воронежа, проведённых в период с ноября 2019 по март 2020 г. Поиск респондентов осуществлялся в тематических онлайн-сообществах, а также путём снежного кома. Выбор регионов обусловлен контрастным соотношением уровня благосостояния в данных городах: по данным ОБДХ–2018 г., среднедушевой доход многодетных семей столицы занимает лидирующие позиции, в то время как Воронежская область занимает 77-е место среди 82 обследуемых субъектов. Совершенно очевидно, что разный уровень благосостояния выбранных регионов предполагает и разный уровень материального положения проживающих в них домохозяйств, однако в задачи исследования входило не определить доходы многодетных семей, а оценить уровень их субъективного материального благополучия, что и являлось одним из критериев отбора респондентов для участия в опросе. Таким образом, при разном уровне дохода в двух регионах, выраженном в денежном эквиваленте, были отобраны семьи с сопоставимым уровнем субъективного благополучия.

Важно также отметить, что в задачи исследования не входило сравнение результатов опроса в выбранных регионах, они скорее дополняли, чем противопоставлялись друг другу. Кроме того, число проведённых в каждом из регионов интервью не позволяет проводить сравнительный анализ Москвы и Воронежа, однако даёт более цельную картину изучаемых явлений и процессов.

Основой для выбора критериев отнесения многодетных матерей к высокоресурсной группе послужили такие показатели, как образование (высшее или среднее специальное), доход (средний и выше, по самооценке) и принадлежность к профессиональной группе (руководители, специалисты, квалифицированные работники). Среди дополнительных критериев для отбора респондентов были зарегистрированный брак, проживание отца в семье и кровное родство детей относительно обоих родителей. Данные критерии позволили существенно гомогенизировать изучаемую группу. Критерий отдельного проживания многодетной семьи от других родственников не был включён, однако по результатам исследования выяснилось, что все опрошенные респонденты проживали в домохозяйствах, включающих исключительно родителей и детей. В нескольких семьях старшие дети уже проживали отдельно. Большинство семей (и в Москве, и в Воронеже) сообщили об улучшении своих жилищных условий в течение последних нескольких лет, что даёт дополнительные основания для отнесения их к высокоресурсной группе.

Возраст респондентов варьировал от 32 до 49 лет, средний – 39 лет. За исключением двух пар разница в возрасте между супругами не превышала 5 лет. Большинство опрошенных респондентов имеют по 3 ребёнка, восемь опрошенных имеют по 4 ребёнка, двое – по 5 детей и одна семья – 6 детей.

Интервью включало в себя несколько смысловых блоков, включающих широкий круг вопросов о трудовых траекториях матерей [3] и текущей занятости отцов, о применяемых практиках родительства [4], об отношении к многодетным со стороны общества, о государственных и негосударственных мерах поддержки многодетных семей. В данной работе наиболее подробно анализируются блоки о распределении обязанностей между членами семьи и об организации дел, связанных с детьми; о различных видах помощи, оказываемых семье их социальным окружением; о жизненных практиках.

Помимо вышеописанного качественного исследования в работе также используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹, Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ)², а также данные Микрорепериси населения 2015 г.³

Высокоресурсные многодетные семьи как объект исследования

Учитывая долю многодетных семей, которая, согласно данным Микрорепериси 2015 г., составила 9,1% от числа семей с детьми, достаточно сложно изучать эту социальную группу детально, используя данные массовых выборочных опросов, а тем более учитывать её гетерогенность. В то же время масштабных количественных исследований многодетных семей практически нет. Имеющиеся данные позволяют лишь оценить численность изучаемой группы и проследить её динамику: так, данные RLMS-HSE в 2019 г. фиксируют 10,8% многодетных семей от числа семей с детьми, из них лишь 14% имеют доходы выше среднего значения. Данные ОБДХ зафиксировали 10,7% многодетных семей в 2018 г., 13% из которых мы можем отнести к среднедоходным и высокодоходным группам. Высокоресурсность семьи в логике данной работы предусматривает учетывание не только среднедушевого дохода, но и образования родителей. В связи с этим важно отметить, что, согласно данным RLMS-HSE, отмечается значительный рост доли многодетных родителей, имеющих высшее

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rllms> и <http://www.hse.ru/rllms>).

² Выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств. Учреждение, ответственное за наблюдение – Федеральная служба государственной статистики (Росстат) (сайт обследования: <https://obdx.gks.ru/>).

³ Микрореперись населения 2015 г. (Росстат) (сайт: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html).

образование, — с 11% в 2004 г. до 28% в 2019 г.; доля имеющих среднее специальное образование составила 19%. Данные ОБДХ, к сожалению, не позволяют выделить с высокой степенью точности многодетных отцов, а среди матерей доля с высшим образованием выросла с 19% в 2010 г. до 25% в 2014 г.¹; ситуация со средним специальным образованием практически не изменилась — доля матерей с таким образованием составляла около 30% в течение всего периода наблюдений. Данные, которыми мы располагаем, в силу слабой наполняемости групп, не позволяют проводить сколько-нибудь значимый анализ. Для более глубокого погружения в изучаемый предмет необходимо использовать «прицельные» и тонкие социологические методы, например, метод глубинных интервью, применяемый в представленном исследовании, который позволяет выдвинуть гипотезы и сформировать новое поле для научной дискуссии.

Распределение обязанностей

В ходе интервью респондентам задавались вопросы о распределении ролей в их семье, о закреплении семейных обязанностей за кем-то из членов семьи (причём речь шла не только об отце и матери, но и о детях, если они уже были включены в процесс домашних дел), о привлечении специального персонала (няни, помощницы по хозяйству, водители и т. п.), родственников или знакомых, чья помощь могла быть значимой. Кроме того, респондентов просили описать свой типичный будний день, что позволяло выяснить подробности, касающиеся ежедневных практик, уточнить отдельные моменты и не упустить важные детали, касающиеся предмета исследования.

В первую очередь необходимо отметить широкое распространение нестандартной занятости на рынке труда в опрошенных высокоресурсных многодетных семьях. И если для занятых на рынке труда матерей это чаще всего означает неполный рабочий день, удалённую работу или собственный бизнес, позволяющий самостоятельно регулировать график работы, то для мужчин это, как правило, сверхзанятость на работе, которая в семейной сфере дополняется определённым объёмом нагрузки. В результате многолетние работники либо вынуждены выбирать для себя нестандартные формы занятости, позволяющие самостоятельно регулировать количество рабочих часов (как это делают большинство работающих многодетных женщин), либо балансировать между семьёй и работой, выстраивая неформальные отношения с работодателем: *«Вообще, часов 9–10 там принято работать. Но ему работа позволяет ребёнка с утра в школу отвозить, и это очень круто»* (Е., 41 год, 3 детей, Москва).

Очевидно, что в большинстве случаев сверхзанятость отцов связана с материальными потребностями семьи и желанием поддерживать определённый уровень жизни, однако в интервью не раз озвучивалась позиция о высоком уровне

¹ Переменная «код матери» в ОБДХ доступна только в волнах 2010–2015 гг.

удовлетворённости работой, по-настоящему приносящей удовольствие: «...[он] так работает так не потому, что ему кровь из носу надо заработать кучу денег, потому что у него большая семья, нет, я бы сказала, что он так работал всегда, потому что ему интересна его деятельность, и это дело его жизни, ему очень нравится его работа и поэтому он посвящает ей довольно много времени, потому что когда нравится что-то, ты можешь делать это бесконечно. Не сказать, что он очень страдает, что он долго задерживается на работе» (О., 35 лет, 4 детей, Москва).

Несмотря на то, что отцы проводят мало времени дома, делают это они, судя по ответам в интервью, весьма эффективно: «Муж у нас приезжает где-то поздно-позднато вечером. У него обязанности: уложить старших спать, перед сном почитать им книгу. Несмотря на то, что читают они давно сами, у нас есть традиция такая. Папа с детьми, он читает им книжку. После того, как он почитал книжку, он спускается, и вот здесь его обязанности — посмотреть, где мы не помыли полы в комнате и здесь, а время мыть полы. То есть у нас есть график, когда нужно, что делать, <...>, он домывает посуду, если мы не успели что-то. То есть его обязанности — почистить все наши хвосты за день. В силу своих сил, да» (И., 35 лет, 5 детей, Воронеж).

В целом подавляющее большинство отцов в опрошенных семьях готовы подключиться к любому виду деятельности, связанному с домашними делами и детьми: «Муж абсолютно полностью участвует во всех домашних делах. Помогает и по хозяйству, с покупками, с уборкой, глажкой. Такого, что я делаю это, а он это, нет» (А., 42 года, 4 детей, Москва).

Согласно данным RLMS-HSE, подавляющее число отцов включены в практики ухода за детьми: 72% малодетных и 79% многодетных отцов отметили, что помогают ухаживать за детьми ежедневно.

Таблица 1

Частота ухода за детьми¹, RLMS-HSE, 2019 г., %

Частота ухода	Имеющие 1–2 детей		Имеющие 3 и более детей	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Каждый день	71,7	95,4	79,1	97,8
Реже	22,6	3,3	18,6	2,2
Никогда	5,6	1,3	2,2	0,0

Анализ интервью показал, что в приватной сфере опрошенных семей преобладает эгалитарный стиль организации семейных дел. Исследователи полагают, что ответы респондентов могут отражать не реальное положение дел, а субъективное восприятие опрошенных [8], однако как для самих семей, так и для исследователя важно «не только объективно “равное” распределение работы между

¹ Вопрос J460.1: «Как часто Вы ухаживаете за своими детьми, внуками?». Респонденты отфильтрованы по возрасту детей до 18 лет, что позволяет свести к исключительному минимальному случаю ухода за внуками.

супругами, но и субъективное ощущение справедливости» [2, с. 194]. При этом существующие в обществе гендерные стереотипы иногда оказывали влияние на ответ: «*Все мужские дела — за мужем, все женские — за мной*» (Н., 40 лет, 4 детей, Воронеж). Однако уточняющие вопросы и дальнейший анализ приводят к заключению, что большинство семейных обязанностей имеют гендерно-нейтральную окраску — домашние дела вполне могут выполняться независимо от пола: «*Да, он гуляет [с детьми]. Иногда уроки учит. Он укладывает спать. <...> Да, читает им обязательно папа*» (Н., 40 лет, 4 детей, Воронеж).

При этом традиционно мужские обязанности остаются за мужчинами: «*Я никогда не буду розетку крутить или ручки ремонтировать, я не умею. Никогда не буду клеить обои, потому что не знаю, как они клеятся. Вот такие, физические, он сына [12 лет] подключает, пытается*» (С., 38 лет, 4 детей, Воронеж).

Вообще, подключение детей к семейным делам в многодетных семьях происходит достаточно активно. К сожалению, данное исследование не позволяет сравнить ситуацию по этому вопросу с малодетными семьями, в многодетных же семьях дети становятся активными помощниками в достаточно раннем по современным меркам возрасте: «*...чётко они [обязанности] закреплены за детьми, а всё остальное между нами с мужем может варьироваться, потому что проще договариваться <...>. За всеми детьми [закреплены обязанности]. <...> Сейчас просто есть помощница по хозяйству, иначе весь объём было бы нереально, потому что меня дома нет. На ней глажка и уборка*» (А., 42 года, 6 детей, Москва).

В высокоресурсных многодетных семьях повышенная нагрузка касается не только взрослых членов, но и их детей. Как показал анализ проведённых интервью, дети включаются в систему образования примерно за 1–2 года до школы. Дети школьного возраста имеют достаточно большой объём нагрузки в сфере дополнительного образования. Семья, принимая поведенческие паттерны интенсивного родительства, изначально наиболее характерного для высокообразованных и достаточно обеспеченных родителей, распространяющегося и в других социальных слоях в последние годы, встаёт на путь «планируемого развития»¹ детей — эта концепция предполагает активное эмоциональное и материальное включение родителей в развитие детей и их способностей. Имея, как правило, высокую планку в отношении образования, высокоресурсные многодетные родители достаточно глубоко погружены в этот процесс. Сегодня выбор в сфере образования огромен, особенно в столице, и тем более с учётом онлайн-возможностей. Разобраться в этом многообразии, выбрать подходящее образование, договориться с педагогами, решить административные и технические вопросы, встроить занятия в расписание детей и держать процесс под контролем — задача, за которую в подавляющем большинстве случаев берутся только матери. Отцы достаточно активно подключаются на разных этапах, но роль дирижёра почти всегда остаётся за женщиной.

¹ Концепцию «планируемого развития», в противовес которой стоит концепция «естественного взросления», детально исследует в своей работе «Неравное детство: класс, раса и семейная жизнь» Аннет Ларо [17].

Аналогичная ситуация сложилась в отношении практик, касающихся здоровья детей, — отцы готовы включаться в рутинные процессы, такие как профилактический медицинский осмотр, получение справок и т. п., но организацией этой деятельности (в том числе выбором врача и записью на приём) почти всегда занимаются матери. Вопросы здоровья, требующие принятия решения, также берут на себя женщины, или они обсуждаются совместно. Таким образом, женщина берёт на себя «семейный менеджмент», включающий ежедневное решение разного рода задач, связанных с делами многодетной семьи.

Другим важным компонентом жизни многодетной семьи является логистика — высокий уровень образовательной нагрузки требует значительных ресурсов для сопровождения детей на занятия. Практически все опрошенные семьи владеют автомобилем, часть из них имеют в домохозяйстве две машины. Две семьи отметили, что активно пользуются каршерингом. Очевидно, что наличие автомобиля в многодетной семье вызвано необходимостью, поскольку потребность в нём достаточно высокая: *«По утрам мы делимся. Один родитель, соответственно, отводит в частный садик маленького, другой отвозит других на машине, а потом он уже едет до метро. А потом уже вечером кто-то один забирает старших, едет на машине к дому и возле дома забирает младшего и идёт домой»* (Н., 34 года, 3 детей, Москва). Ввиду большого объёма именно эти задачи чаще всего делегируются бабушкам, дедушкам, няням, водителям, друзьям и знакомым, чьи дети ходят на те же занятия, или старшим детям. Разработка логистического плана, установление договорённостей с участниками процесса берут на себя матери. При этом в интервью неоднократно звучала мысль о том, что развозы детей по занятиям — это не механическая работа, для самих матерей это возможность пообщаться с детьми, когда те могут поделиться своими переживаниями, это важная часть поддержания эмоционального контакта. То есть помимо решения основной задачи попутно происходит не менее важный процесс коммуникации, эмоционального инвестирования, повышающего уровень эмпатии и общую сплочённость и ресурсность семьи. Процесс передачи эмоционального капитала может также носить характер ритуала: *«У них ещё сначала разговор. «Как прошёл день?» — папа спрашивает. У нас есть ещё такое ритуальное, давно завели, когда каждый член из семьи, сейчас они там троим, надо рассказать, что хорошего за день произошло, одно что-то очень хорошее, а что тебя порадовало, что тебя огорчило, и третье — ещё что-нибудь.., о чём хочется рассказать <...>, учим изливать эмоции, выразить то, что у тебя»* (И., 35 лет, 5 детей, Воронеж).

Для эффективного функционирования семье необходим эмоциональный капитал, который может быть рассмотрен в рамках теории П. Бурдьё [18] как форма культурного капитала, включающего в себя специфичные эмоциональные ресурсы, которые могут быть реализованы в контексте достигаемой цели [12]. В рамках рассматриваемой темы понятие эмоционального капитала не ограничивается родительской заботой о детях, включая также специфические знания и навыки выстраивания социальных отношений как внутри, так и вне

семьи. И как любой капитал он может наращиваться, в данном случае путём приобретения новых знаний и навыков: «...я могу посвятить время тому, чтобы “прокачаться” в психологии, во взаимоотношениях и стать профессиональнее в этом плане, потому что для меня очень важна моя семья, мои дети и то, как мы их воспитываем» (О., 35 лет, 4 детей, Москва). Как любой другой капитал эмоциональный капитал может быть растрочен, и тогда происходит эмоциональное выгорание, достаточно широко изученное в психологии. Поскольку, как уже было отмечено выше, использование эмоционального капитала в семье в большей степени характерно для женщин, то и родительское выгорание – процесс, наиболее характерный для матерей.

Мужчины и женщины реализуют свой эмоциональный капитал по-разному [16]. Действительно, эмоциональный вклад отцов в семью не обязательно выражается вербально, но именно такие детали, вкладываемые родителями в работу с детьми и друг с другом, задают тон семейных отношений: «...даже если он приезжает на сутки с объекта домой, он сидит на диване, а дети на нём верхом, и воспитывать он их тоже отказывается. Говорит, что будет их только любить и целовать» (Н., 46 лет, 4 детей, Воронеж). Эмоциональная поддержка супругов важна не менее физической помощи, именно она становится основой крепкой семьи, увеличивая общесемейный эмоциональный капитал: «у меня муж <...> как скала, можно с закрытыми глазами <...> Он с работы мог прийти [когда дети были маленькими], я могла ему всех вручить в слезах и убежать куда-то. И мне потом никто слова никогда не сказал» (М., 49 лет, 4 детей, Москва).

Влияние на ресурсность семьи также оказывает и объём накопленного социального капитала. Более того, исследователи отмечают, что этот показатель, наряду с целым комплексом факторов, важен уже на этапе принятия решения о рождении детей [17]. Действительно, многодетная семья требует повышенного уровня ресурсов, причём, учитывая планку качества воспроизводимого человеческого капитала в высокоресурсных многодетных семьях, социальный капитал имеет исключительно важное значение. В этом контексте особую роль играет ближайшее родственное окружение семьи. Традиционно ключевые позиции занимали бабушки, однако с переходом к рыночной экономике, увеличением продолжительности жизни и трудовой карьеры, нуклеаризацией семьи современный «институт бабушек» перестал предполагать самоотверженный вклад в развитие внуков. Частично эти функции были переданы няням, однако помощь бабушек по-прежнему является востребованной.

Как уже отмечалось выше, все опрошенные многодетные семьи проживают в домохозяйствах без бабушек и дедушек, хотя большинство из них имеют родителей, которые проживают отдельно (часто достаточно далеко). Причём некоторые семьи отмечали, что с первым ребёнком они либо проживали вместе с родителями, либо родители гораздо более активно оказывали помощь: «Когда у нас были старшие девочки, мы жили в другом городе <...>, там были бабушки, которые принимали активное участие в процессе помощи нам с детьми. Сейчас

мы с мужем вдвоём» (А., 42 года, 4 детей, Москва). «Я родила, будучи на пятом курсе, бабушки-дедушки помогли, я смогла выйти на работу быстро» (В., 40 лет, 3 детей, Воронеж).

С первым внуком бабушки готовы взять на себя существенную долю забот: *«Бабушка приехала [из другого города], она меня выпустила [на работу]» (Н., 44 года, 3 детей, Москва). Но когда детей становится больше, помощь бабушек чаще упоминается как эпизодическая: «...бабушка у нас, она как раз приезжает, типа помыть окна, что-нибудь такое, или погулять с ними, пока я мою окна. И ещё бабушка у нас в основном используется, чтобы посидеть со всеми, пока мы с мужем пошли в кино» (И., 35 лет, 5 детей, Воронеж). Учитывая, что большинство бабушек живут достаточно далеко от своих детей и внуков, такой подход позволяет сохранить баланс их ресурсов, внуки не становятся обязанностью, а процесс общения с ними не превращается в рутину. «Бабушка в этом плане очень выручает. И, как правило, я её приглашаю в те дни, когда нам именно нужна помощь с оставлением младших детей. В целом она очень рада. <...> Но, конечно, тяжело, когда это надо делать систематически 4 раза в неделю, ей сейчас на дорогу надо тратить час» (Т., 33 года, 3 детей, Москва). Ситуация умеренного включения может устанавливаться не только самими бабушками, но и поддерживаться их детьми: «Планируешь свою жизнь в тех самых рамках, которые есть. Вот бабушка — и то слава Богу. Посмотрев на то, как многие мои друзья используют и в хвост, и в гриву своих бабушек, когда подкинул, и нормально» (К., 47 лет, 3 детей, Москва).*

Качество общения старшего поколения с внуками, которое можно рассматривать как трансляцию образовательного капитала, высоко ценится родителями: *«Это, конечно, такой дедушка-мечта, потому что дети его очень любят, он с ними занимается тем, что им нравится, они его все его облепляют, он такой увлечённый, ему самому нравится. Конечно, когда он приезжает, я становлюсь свободнее. Из всех бабушек и дедушек он самый эффективный помощник, но это нечасто» (О., 35 лет, 4 детей, Москва). Причём передача опыта может происходить не только путём специальных занятий, но и в процессе живого общения, что позволяет детям расширять картину мира: «Моя философия сейчас такая, что ребёнок должен видеть мир не только через линзу мамы или папы, а через линзу разных людей, потому что у него в этот момент формируется своя линза. Они считывают глазами других людей, как мир устроен, когда бабушки, дедушки» (Е., 41 года, 3 детей, Москва).*

Социальные связи с родственниками, даже в минимальном формате общения, крайне важны, но, к сожалению, их не всегда удаётся поддерживать: *«Бабушки у нас совсем пассивные, то есть ноль <...>. С обеих [сторон]. Никогда, ни разу. Если когда-то два часа, то всё <...>. У меня много родственников, но никто не помогает» (С., 38 лет, 4 детей, Воронеж). Причём часто эти связи ослабевают именно с рождением новых детей. Близкий круг родственников не всегда разделяет ценности многодетной семьи и не всегда готов оказывать поддержку: «...бабушка уже после первого ребёнка была в шоке, а когда речь о втором зашла, она была категорически против. А я считаю, это не дело — свекрови решать эти вопросы» (Е.,*

41 год, 3 детей, Москва). Отсутствие хотя бы эмоциональной поддержки со стороны близких тяжело переживается родителями: *«Это моя боль, знаете <...>, когда беременная, у меня всё время содрогание: как я сейчас кому-то скажу?, и я никому не говорю. Я начинаю надевать очень просторные платья и не выходить из дома <...>, не ездить к бабушкам, потому что <...> [кто-нибудь из них] обязательно скажет: «А на кой тебе столько? Вы их не прокормите»* (И., 35 лет, 5 детей, Воронеж).

Достаточно типичной является ситуация, когда родственники живут далеко и не могут оказывать регулярную помощь, а помощь няни может рассматриваться как нежелательная до определённого возраста ребёнка: *«Желание [выйти на работу] очень большое есть, но связано как раз-таки с тем, что мы одни в чужом городе и с детьми помогать некому. Брать няню мы не хотим, наверное, на данном этапе. Возможно, если дети подрастут ещё чуть-чуть, то я выйду на работу»* (А., 42, 4 детей, Москва). С другой стороны, есть мнение, что *«няня в каких-то случаях лучше, чем бабушка, потому что она выполняет то, что я считаю нужным, а не то, что считает бабушка нужным. Но есть разумные бабушки, а есть бабушки, которые считают, что надо делать так, как они считают. Поэтому няня – эта такая возможность, действительно она мне очень помогает, больше, чем когда ко мне приезжает мама в гости»* (О., 35 лет, 4 детей, Москва).

Нехватка помощи от родственников может быть частично компенсирована путём налаживания социальных связей с другими семьями, как правило тоже многодетными: *«Мы между собой 4 семьи очень тесно общаемся, все многодетные семьи. Одна будет скоро многодетной. Как выручаем? Основная помощь – это посидеть с детьми друг друга. <...> Так же и мы выручаем эти семьи. И у всех аналогичная ситуация, т. е. бабушки далеко. Ну и также, если вдруг какая-то непредвиденная ситуация, я с уверенностью скажу, что могу оставить детей на день»* (Ю., 35 лет, 3 детей, Москва). Однако речь идёт о регулярной, но всё же кратковременной помощи, не предусматривающей полноценный выход мамы на работу.

Выводы

В целом полученные в исследовании результаты, с одной стороны, согласуются с результатами проведённых ранее исследований по данной теме, с другой – открывают поле для научной дискуссии и новых исследований. Патриархальные и эгалитарные ценности продолжают сосуществовать в современном поле социальных норм и воспроизводиться в ежедневных практиках высокоресурсных многодетных семей. Семья – адаптивный социальный институт: в то время как основные семейные роли продолжают отражать патриархальную структуру (мужчины больше заняты на рынке труда, женщины – в семье и с детьми), в приватной сфере наблюдается бóльшая гибкость семейных ролей. Большинство семейных обязанностей, не связанных с физической нагрузкой, рассматриваются как гендерно-нейтральные. Имея повышенный уровень внутрисемейной

нагрузки, члены многодетных семей стараются максимально рационально использовать внутренние ресурсы и по возможности задействовать внешние, в том числе свой социальный капитал. Женщины выступают своего рода «менеджерами семьи», полностью контролируя сферу семейной жизни. Отцы достаточно активно включены в дела семьи, играя, однако, дополняющую роль: они могут взять на себя целую сферу обязанностей полностью или частично, но ключевая роль в организации семейных дел и эмоциональная сфера принадлежат женщине. Повышенная эмоциональная нагрузка, в том числе связанная с числом детей в многодетных семьях, требует высокого уровня эмоционального капитала (в большей мере это касается матерей). В связи с этим можно предположить, что повышенная эмоциональная отдача матерей и других членов в многодетных семьях, а также число векторов внутрисемейной коммуникации приводят к повышению эмпатии и развитию эмоционального интеллекта у детей.

Высокий уровень нагрузки касается всех членов семьи, начиная с дошкольников: матери заняты в семейной сфере, нередко совмещая эту деятельность с работой, в том числе на полную ставку, отцы имеют сверхзанятость на рынке труда, дети активно включены в образовательный процесс. Именно такая жизнь на высоких оборотах и позволяет семьям быть и оставаться высокоресурсными.

Список литературы:

1. Антонов А. И. Кризис семьи и родительства // Проблемы родительства и планирования семьи / Отв. ред. А. И. Антонов. М. : ИС РАН, 1992. 156 с.
2. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М. : Институт социологии РАН, 2008. 324 с.
3. Дорофеева З. Е. Трудовые траектории высокоресурсных многодетных матерей // Социологический журнал. 2020. № 4. С. 79–95. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7644.
4. Дорофеева З. Е. Особенности интенсивного родительства в высокоресурсных многодетных семьях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13, № 1. С. 89–105. DOI: 10.19181/inter.2021.13.1.
5. Ефанова О. А., Писклакова-Паркер М. П. Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3
6. Караханова Т. М., Большакова О. А. Бытовая деятельность в домохозяйстве: необходимый и востребованный неоплачиваемый труд городских рабочих // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 2 (25). С. 100–129. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.512
7. Клецин А. А. Распределение домашних обязанностей между супругами: факты, проблемы, интерпретации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 2. С. 120–136
8. Макаренцева А. О. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому / А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова, Е. А. Третьякова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2 (138). С. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06

9. Равенство в семье: от деклараций к реальности? Аналитический обзор // ВЦИОМ : [сайт]. 06 марта 2018 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ravenstvo-v-seme-ot-deklaraczij-k-realnosti> (дата обращения: 10.07.2020).

10. Римашевская Н. М. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества / Н. М. Римашевская, М. М. Малышева, М. П. Писклакова-Паркер // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 28–41.

11. Attitudes Toward Women's Work and Family Roles in the United States, 1976–2013 / K. Donnelly, J. M. Twenge, M. A. Clark, S. K. Shaikh, A. Beiler-May, N. T. Carter // *Psychology of Women Quarterly*. 2016. Vol. 40 (1). P. 41–54. DOI: 10.1177/0361684315590774

12. Cottingham M. D. Theorizing emotional capital. *Theory and Society*. 2016. Vol. 45. № 5. P. 451–470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-016-9278-7>

13. Gender stereotypes have changed: A cross-temporal meta-analysis of U.S. public opinion polls from 1946 to 2018 / A. H. Eagly, C. Nater, D. I. Miller, M. Kaufmann, S. Sczesny // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75 (3). P. 301–315. DOI: 10.1037/amp0000494

14. Housework: Who did, does or will do it, and how much does it matter? / S. M. Bianchi, L. C. Sayer, M. A. Milkie, J. P. Robinson // *Social Forces*. 2012. № 91 (1). P. 55–63.

15. Lareau A. Unequal childhoods: class, race, and family life, with an update a decade later. 2nd ed. Berkeley, Los Angeles, California : University of California Press, 2011. 343 p.

16. Nowotny H. Austria: Women in public life // *Access to power: cross-national studies of women and elites* / C. F. Epstein, R. L. Coser (Eds.). London : George Allen & Unwi, 1981. P. 147–156.

17. O'Brien M. Gendered Capital: Emotional Capital and Mothers' Care Work in Education // *British Journal of Sociology of Education*. 2008. Vol. 29. № 2. P. 137–148. DOI: 10.1080/01425690701837505

18. Zembylas M. Emotional Capital and Education: Theoretical Insights from Bourdieu // *British Journal of Educational Studies*. 2007. Vol. 55. № 4. P. 443–463. DOI: 10.1111/j.1467-8527.2007.00390.x

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дорофеева Злата Евгеньевна – научный сотрудник,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: zdorofeeva@hse.ru
Author ID РИНЦ: 501435

Дата поступления в редакцию: 10.11.2020. Принята к печати: 26.04.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434

Role Distribution in High-Resource Multi-Child Families Zlata Y. Dorofeeva^{1,2}

¹National Research University «Higher School of Economics».
20, Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000

²Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Dorofeeva Z. Ye. (2021). Role Distribution in High-Resource Multi-Child Families. *Sotsiologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9. № 3. P. 73–87. DOI:10.19181/snsp.2021.9.3.8434

Abstract. Researches note the family role transformation that is most distributed among the young, educated and wealthier groups of the population. However, multi-child families are unnoticed among these social groups. At the same time, educated multi-child families with a relatively high level of income (high-resource multi-child families) are of particular research interest, having distinctive features from families with fewer children and similar indicators due to the volume of intra-family load.

Based on the analysis of the in-depth interviews conducted by the author, it is shown the coexistence of patriarchal and egalitarian practices in the distribution of family roles in high-resource multi-child families. The role associated with the material support of the family can be considered as a patriarchal one, whereas there is a prevalence of egalitarian values in the private sphere – men are actively involved in the sphere of household and affairs related to children. The level of workload and the amount of necessary resources requires the most effective use of intra-family resources (including attracting older children to participate in family affairs), as well as the involvement of external assistants, in particular the active use of social capital, which can be the closest relatives (usually grandmothers) or friends. At the same time, the key role of the “family manager”, who controls the private sphere of the family, belongs to women, who also serve as the main source of emotional investment in the family. The work notes not only the over-employment of fathers in the labor market and mothers in the private sphere, partially accompanied by employment in the economy, but also a high level of involvement of children in the educational process. It is concluded that it is the contribution of each family member, including older children, allows them to be high-resource families.

Keywords: high-resource families; families with many children; family roles; distribution of roles; emotional capital; social capital

REFERENCES

1. Antonov A. I. (1992). Krizis sem'i i roditel'stva. [Crisis of family and parenthood]. *Problemy roditel'stva i planirovaniya sem'i* / Ed. by A. I. Antonov. M. : IS RAN publ. 156 p. (In Russ.)
2. Gurko T. A. (2008). Brak i roditel'stvo v Rossii. [Marriage and Parenthood]. M. : Institut sotsiologii RAN, 325 p. (In Russ.)
3. Dorofeeva Z. Ye. (2020). Trudovye traektorii vysokoresursnyh mnogodetnyh materej. [Work trajectories of high-resource multi-child mothers]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*. Vol. 4, P. 79–95. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7644 (In Russ.)
4. Dorofeeva Z. Ye. (2021). Osobennosti intensivnogo roditel'stva v vysokoresursnyh mnogodetnyh sem'yah. [Intensive Parenting in High-Resource Multi-Child Families]. *Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya*. Vol. 13, No 1. P. 89–105. DOI: 10.19181/inter.2021.13.1.4 (In Russ.)
5. Efanova O. A., Pisklakova-Parker M. P. (2020). Sovremennaya rossijskaya sem'ya v usloviyah izmeneniya gendernykh otnoshenij. [Modern Russian family under the conditions of changing gender relations]. *Narodonaselenie*. Vol. 23, No 2. P.26–36. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.3 (In Russ.)
6. Karhanova T. M., Bol'shakova O. A. (2018). Bytovaya deyatel'nost' v domochozjajstve: neobhodimyj i vostrebovannyj neoplachivaemyj trud gorodskih rabochih. [Everyday household activities: essential and indispensable unpaid labor performed by urban workers.] *Vestnik instituta sotziologii*. No. 25. P. 100–129. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.512 (In Russ.)
7. Klecin A. A. (2003). Raspredelenie domashnih obyazannostej mezhdru suprugami: fakty, problemy, interpretatsii. [Distribution of household responsibilities between spouses: facts, problems, interpretations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*. Vol. VI, No 2. P. 120–136. (In Russ.)

8. Makarenceva A. O., Biryukova S. S., Tret'yakova E. A. (2017). Predstavleniya muzhchin i zhenshchin o zatratakh vremeni na rabotu po domu. [Perceptions of time spent on housework among men and women]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. No 2. P. 97–114. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.06 (In Russ.).

9. Ravenstvo v sem'e: ot deklaratsij k real'nosti? Analiticheskij obzor. [Equality in the family: from declarations to reality? Analytical review.] Mart, 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116735> (data obraschenija: 10.07.2020). (In Russ.).

10. Rimashevskaya N. M., Malysheva M. M., Pisklakova-Parker M. P. (2017). Balans professional'nyh i semejnyh rolej otcov kak zalog ustojchivosti sem'i i obshchestva. [Balancing fathers: matching professional and family roles as a cornerstone of society's sustainability]. *Narodonaselenie*. No. 2. P. 28–41. (In Russ.).

11. *Attitudes Toward Women's Work and Family Roles in the United States, 1976–2013*. K. Donnelly, J. M. Twenge, M. A. Clark, S. K. Shaikh, A. Beiler-May, N. T. Carter. (2016). *Psychology of Women Quarterly*. Vol. 40 (1). P. 41–54. DOI: 10.1177/0361684315590774

12. Cottingham M. D. (2016). Theorizing emotional capital. *Theory and Society*. Vol. 45. № 5. P. 451–470. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-016-9278-7>

13. *Gender stereotypes have changed: A cross-temporal meta-analysis of U.S. public opinion polls from 1946 to 2018*. A. H. Eagly, C. Nater, D. I. Miller, M. Kaufmann, S. Sczesny. (2020). *American Psychologist*. Vol. 75 (3). P. 301–315. DOI: 10.1037/amp0000494

14. Housework: Who did, does or will do it, and how much does it matter? S. M. Bianchi, L. C. Sayer, M. A. Milkie, J. P. Robinson. (2012). *Social Forces*. № 91 (1). P. 55–63.

15. Lareau A. (2011). *Unequal childhoods: class, race, and family life, with an update a decade later*. 2nd ed. Berkeley, Los Angeles, California : University of California Press, 343 p.

16. Nowotny H. (1981). Austria: Women in public life. *Access to power: cross-national studies of women and elites*. C. F. Epstein, R. L. Coser (Eds.). London : George Allen & Unwi. P. 147–156.

17. O'Brien M. (2008). Gendered Capital: Emotional Capital and Mothers' Care Work in Education. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 29. № 2. P. 137–148. DOI: 10.1080/01425690701837505

18. Zembylas M. (2007). Emotional Capital and Education: Theoretical Insights from Bourdieu. *British Journal of Educational Studies*. Vol. 55. № 4. P. 443–463. DOI: 10.1111/j.1467-8527.2007.00390.x

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dorofeeva Zlata Yevgen'evna, Researcher, National Research University «Higher School of Economics»; Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: zdorofeeva@hse.ru

ORCID ID: 0000-0003-2099-624X

ResearcherID: T-9563-2018

Scopus Author ID: 57192235258

The article was submitted on November 10, 2020. Accepted on April 26, 2021.